

Двадцать лет российской трансформации. МЕТАМОРФОЗЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ДО И ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Автор: В. М. КУДРОВ

Никогда в прошлом в России не появлялись ученые-экономисты уровня А. Смита, Д. Риккардо, Дж. Кейнса, А. Маршалла или М. Фридмана, которые создавали экономические школы, оказывавшие серьезное влияние на производство, рыночный механизм и государственную экономическую политику. Экономика России серьезно отставала от экономики стран Запада, и никакой И. Посошков или даже М. Туган-Барановский или Н. Кондратьев не могли встать рядом с выдающимися именами западных ученых-экономистов.

Как пишет В. Федоров, "видимо, специфика национального характера, мировоззрения, особенности чисто российской эволюции и не дают возможности отечественным ученым войти в когорту великих экономистов мира... Систематически отставая от Запада на целую эпоху, наивно надеяться на то, что можно перекрыть этот разрыв за счет одного-двух русских экономических гениев, которые к тому же никак не появляются, в отличие от других стран... Семьдесят лет "самого прогрессивного строя" не дали миру, а не только отдельно взятому государству, экономиста-первооткрывателя, перед которым бы сняли шляпу собратья по цеху. Да и в какой мере экономическую науку в СССР можно считать действительно наукой, памятуя о том, что ей строжайше предписывалось быть классовой и партийной?" [Федоров, 2001, с. 30, 31]. И еще: "Как может наша экономическая наука и ее представители вознестись на мировой Олимп, если работают они с морально и физически устаревшим материалом в виде собственного народного хозяйства" [Федоров, 2004, с. 120].

Помимо экономических факторов на состояние и развитие отечественной экономической науки оказали серьезное влияние политические и идеологические факторы. Известно, что В. Ленин не любил русскую интеллигенцию, называя ее неприличным словом, не любил он и российских ученых. В статье "Как организовать соревнование", опубликованной еще в 1918 г., он выдвинул задачу "очистки земли российской от всяких вредных насекомых" [Ленин, т. 35, с. 204]. Многие ученые и рассматривались в числе последних. Особенно не любил Ильич экономистов и философов. Еще до октябрьского переворота 1917 г. он безапелляционно заявил, что в "общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые - приказчики класса капиталистов, и профессора-философы - ученые-приказчики теологов" [Ленин, т. 18, с. 364].

Мой старый учитель А. Вайнштейн рассказывал мне о своих четырех встречах с Лениным уже после октябрьского переворота 1917 г. Во время одной из них в 1919 г. Ленин подошел к нему и сказал: "Нам нужны такие умные молодые специалисты. Вам бы

Кудров Валентин Михайлович - доктор экономических наук, профессор Государственного университета - Высшая школа экономики, руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы РАН.

стать членом большевистской партии". Вайнштейн ответил отказом. "Почему?" - спросил Ленин. "Я не верю в диктатуру пролетариата", - ответил Альберт Львович. На что Ленин сказал: "Эх вы, интеллигенты!" - и ушел [Вайнштейн, 2000, с. 67]. Тогда это ничем не грозило, но пройдут годы, и начнется "чистка" российских ученых.

Уже в конце 1920-х гг. началась травля экономистов, придерживающихся либеральных взглядов и рыночных убеждений. Против них, в частности, был организован в 1931 г. специально придуманный И. Сталиным особый судебный процесс, процесс против Трудовой крестьянской партии, которой на деле никогда не существовало. Либеральные экономисты-аграрники выступали за всемерное развитие индивидуальных крестьянских хозяйств, против насильственной коллективизации, за продолжение нэпа, развитие рыночных механизмов, товарно-денежных отношений в условиях планового хозяйствования (потом на базе их идей на Западе будет создана теория "рыночного социализма", родоначальником которой станет польский эмигрант О. Ланге).

На фоне травли ученых-экономистов либерально-рыночного крыла стали формироваться новые советские мораль и этика, ставшие вскоре типичными для всей советской науки и породившие феномен лженауки, "лысенковщины" не только в экономической и других общественных науках, например исторической и философской, но даже и в технических науках (см., например [Шноль, 1997]). Одним из первых сигналов в этой травле стала статья в журнале "Большевик", опубликованная в конце 1930 г. В ней радостно сообщалось, что "группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чаянова, Челинцева и др., с которыми блокировались Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики. Это "последние могикане" буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как *руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти, восстановление буржуазно-помещичьего строя* (курсив мой. - В. К.)" [Кондратьев, 1993, с. 576, 578].

"Кондратьевичу" резко критиковал и будущий весьма известный академик С. Струмилин, работавший в те годы в Госплане СССР. В 1930 г. он упрекал гениального экономиста Н. Кондратьева за то, что в качестве "высшего критерия рациональности хозяйства" он принимал абсолютно чуждую истинно пролетарской политэкономии "конкурентоспособность на свободном рынке". Он утверждал также, что "идеологи буржуазии... в своей ориентировке на могущественную роль рынка имели в виду реставрационное воздействие на советский строй через рынок не только русского, но и более мощного международного капитала" [Струмилин, 1958, с. 255 - 254].

На базе травли настоящих ученых и "спецов" партия создавала новую советскую (точнее - сталинскую) экономическую науку. Начался процесс сплошной идеологизации науки, перед которой была поставлена задача - стать *партийной*, то есть всемерно поддерживать созданный в стране казарменный социализм, командно-административную систему, все решения партии и правительства и "преимущества социализма" как системы. Ученым-экономистам надо было обосновывать тезисы о вреде рыночных отношений, которые должен заменить научно обоснованный план, об административном ценообразовании, ненужности коммерческих банков и, конечно, о преимущественном росте производства средств производства, в первую очередь тяжелой промышленности, то есть производства ради производства.

Характерна в этой связи позиция молодого тогда М. Гатовского, будущего директора Института экономики АН СССР. В 1930 г. он писал: "Переход к социалистическому продуктообмену означает процесс плановой социалистической "натурализации" хозяйства... План социалистического общества является "натуральным" планом. Это, конечно... предполагает необходимость... всеобщих единиц учета. Несомненно, что такой единицей будет единица затрат общественного труда" (цит. по [Белоусов, 2002, с. 260]). Нетрудно увидеть, что здесь речь идет не только об отмене товарного производства, но

и об отмене денег и замене их квитанциями о затраченном времени на труд, трудовыми единицами и т.д.

Новые советские экономисты стали активно помогать партии уничтожать старых советских экономистов, предавать своих коллег, содействовать их аресту. Все это происходило в рамках уничтожения "старых большевиков" "новыми большевиками".

Огромное влияние на развитие советской экономической науки оказала предсмертная работа И. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР", где утверждалось, что товарное производство при социализме - товарное производство "особого рода", "сфера действия которого ограничена предметами личного потребления" и существует оно лишь потому, что в экономике СССР еще не все огосударствлено. Где государственная собственность, там нет и не может быть реального товарного производства. Закон стоимости не играет регулирующей роли и по мере развития обобществления производства, в частности перерастания колхозов в совхозы, необходимо добиваться "сокращения сферы действия товарного обращения", замены его прямым продуктообменом [Сталин, 1952, с. 92 - 94]. Такой вывод не оставлял надежд на рост эффективности производства, на ускорение научно-технического прогресса и совершенствование общественной системы в рамках "реального социализма".

В послевоенный период в советской экономической науке надо отметить формирование двух школ. Первая - теоретическая школа политэкономии социализма. Вторая - разработка системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Обе школы имели целью укрепить социализм как общественную систему, которой не присущи рыночные отношения.

Политическая экономия социализма, начало формирования которой относится еще к довоенному времени, после смерти Сталина и на базе его "Экономических проблем социализма в СССР" замыслилась как своего рода теоретическая Библия, по законам которой должен развиваться "самый передовой общественный строй". Теоретики-политэкономы претендовали ни много, ни мало на открытие вечных и неизменных истин, своего рода аксиом, обязательных для всех, как таблица умножения. При этом они не задумывались над тем, как открываемые ими якобы объективные экономические законы и категории социализма должны реализовать себя на практике, каковы пути повышения эффективности производства, рационального и бережливого ведения хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и т.д. Иными словами, политэкономия социализма в отечественной реальности не стала, да и не могла стать в силу своей оторванности от экономики, от производства, хотя бы чуть заметной опорой советской практики управления и планирования. Более того, увлечения абстракциями, расплывчатыми и псевдонаучными формулировками мешали конкретным прикладным исследованиям.

Разрабатываемая экономистами-математиками из ЦЭМИ АН СССР СОФЭ должна была устранить даже мизерные зачатки товарно-денежных отношений при социализме путем введения искусственных математических цен и искусственной структуры производства, не имевших отношения к денежной массе, соотношению между спросом и предложением, рентабельности и т.д. Много сил было потрачено на искусственную нерыночную оценку эффекта от внедрения и применения новой техники по так называемым приведенным затратам. При этом бралась разница между приведенными затратами на старую и новую технику с использованием искусственного коэффициента окупаемости капитальных вложений. Не случайно теория СОФЭ оказалась невостребованной, и сегодня о ней в ЦЭМИ РАН даже не говорят. Институт работает по другой проблематике.

Экономисты-математики также органично вписывались в идеократическую систему социализма и порой прямо клялись в своей верности марксизму (см. также [Кудров, 2004]). Так, А. Захаров писал, что "применение кибернетического анализа в экономике не означает какой-либо "ломки" марксистско-ленинской политической экономии, а представляет собой ее естественное развитие, так как можно показать, что подход, применявшийся Марксом в "Капитале", был бессознательно кибернетическим" [Материалы... 1967, с. 43 - 44].

К счастью, в стране в середине 60-х гг. прошлого века верх взяли не догматические, фундаменталистские концепции, а прагматичные либеральные, которые вышли на поверхность из долгого небытия благодаря поддержке со стороны премьер-министра А. Косыгина. Все началось с открытой экономической дискуссии, когда не известному дотоле харьковскому (не московскому!) экономисту Е. Либерману было разрешено опубликовать в "Правде" большую статью под названием "План, прибыль, премия". Уже тогда (в 1962 г.) советские экономисты разделились на рыночников и нерыночников, на либералов и консерваторов. В условиях "оттепели" стал формироваться слой интеллигенции, названный "шестидесятниками".

Благодаря Косыгину, в 1965 и 1979 гг. были приняты специальные постановления ЦК КПСС и Советского правительства, вводившие в хозяйственную практику такие меры, как хозрасчет, рентабельность, сокращение числа директивных плановых показателей, материальное стимулирование работников. Основные идеи реформ Косыгина были взяты из практики советского нэпа; они потом легли в основу реформ Дэн Сяопина в Китае и экономической составляющей перестройки М. Горбачева. Но парадокс состоит в том, что в Китае эти идеи дали огромный положительный эффект, у нас же результат оказался намного скромнее. Более того, еще при Л. Брежневле отраслевые министерства и Госплан СССР практически свернули рыночные реформы, не дав предприятиям финансовой самостоятельности и необходимой свободы в их хозяйственной деятельности, и лишь при Горбачеве они смогли реализоваться.

В годы брежневизма советская номенклатура в своей значительной части перестала быть жестким сталинским слоем. Многие ее представители уже понимали, что страна стоит на пороге перемен, что старая "пролетарская" революционная оболочка уже испарилась, привычные идеологические заклинания не работают, нужны новые правила игры, ответственные руководители, обеспечивающие самостоятельность и эффективность производственных единиц. К тому же многие директора государственных предприятий фактически становились их хозяевами, владельцами при наличии "ничейной" собственности в стране и, естественно, стремились закрепить в этом качестве, ослабить зависимость от Центра.

Прежняя ортодоксальная идеология типа сталинизма или "условского марксизма" становилась все более непопулярной не только в народе, но и в партийно-хозяйственной номенклатуре, для которой марксизм-ленинизм на деле был всего лишь ширмой. Значительная часть советского общества постепенно поворачивалась к новой парадигме - парадигме *"социализма с человеческим лицом"*, парадигме марксизма, адекватного изменившимся условиям. Многие не только понимали, что Запад вступил на путь научно-технической революции, осуществляет серьезный переворот не только в промышленности, но и в сельскохозяйственном производстве и особенно в сфере начавшихся глобализационных процессов (ТНК, финансовые и торговые международные потоки, компьютеризация, международный бизнес и пр.), в то время как СССР находится в состоянии застоя. В этих условиях, как пишет Е. Гайдар, "номенклатура шла вперед ощупью, шаг за шагом - не по отрефлексированному плану, а подчиняясь глубокому инстинкту. Шла на запах собственности, как хищник идет за добычей" [Гайдар, 1995, с. 135].

Советский историк-диссидент А. Амальрик еще в 1969 г. предсказал, что социализм неизбежно исчерпает себя, и СССР не доживет до 1984 г. Это было невероятно, но было. Никто из советских академических историков и экономистов не поддержал этот вывод, хотя отклонение советских экономики и общества от мировой линии развития становилось все более очевидным фактом. Амальрик писал тогда и о неизбежном провале любых экономических реформ без отказа от социализма: "Так называемая "экономическая реформа"... это, по существу, полумера, которую на практике саботирует партийная машина, потому что, если такая реформа будет доведена до логического конца, она станет угрозой для власти этой машины" (цит. по [Ослунд, 1996, с. 46]).

К сожалению, советская экономическая наука ни разу не сказала, что выбор сталинской экономической модели для нашей страны был связан с неизбежным тупиком в социальном и экономическом развитии. Наибольшее, на что эта наука оказалась способ-

на, - давать разные предложения по корректировке, улучшению, совершенствованию, насыщению ее какими-то элементами рынка и направлению в сторону формирования так называемого "рыночного социализма". Но эта наука никогда не предлагала разрушить сложившуюся при Сталине экономическую модель или отказаться от нее, что уже в 1960 - 1980-е гг. предлагали отдельные польские и венгерские экономисты. Она не зафиксировала и глубокого кризиса всей общественной системы социализма, предпочитая по-прежнему говорить об "общем кризисе капитализма".

Права академик Т. Заславская, отметившая, что советская экономическая наука "оказалась бессильной понять подлинную природу советского общества, закономерности и механизм его развития, чрезмерно идеологизированное общественное сознание во многом утратило способность к критике, перестало отличать ложь от истины, стало очень консервативным" [Заславская, 1997, с. 10]. И не менее прав академик С. Шаталин, который также честно признавал, что "многие наши представления о социалистической экономике, ее неотъемлемых чертах были попросту ложными. Их следует пересмотреть" [Шаталин, 1993, с. 44]. Речь шла о "научном" преукрашивании образа социализма и его экономики, столь типичном для советской экономической науки.

Работы многих советских обществоведов были наполнены демагогией, вознесением до небес "преимуществ" централизованного планирования, стахановского движения, разного рода "починов" трудящихся, словоблудием об утопическом коммунизме и т.д. Они проповедовали двойное и даже тройное мышление, учили нас думать одно, говорить другое, а делать третье. "Научная" литература по общественным наукам того времени полна византийства, ерничества и словоблудия, когда приводятся сначала ортодоксальные цитаты из работ классиков марксизма или решений партии, а затем частично дается фактический материал, им противоречащий. Но никаких выводов не делалось.

Многие ученые не только сводили личные счёты друг с другом с помощью парткомов и писем в ЦК, но и участвовали в репрессиях против своих инакомыслящих коллег. Так было, например, во время борьбы с "космополитами" в 1948 - 1950 гг., в годы брежневизма и андроповщины, когда шла война против диссидентов. В ИМЭМО АН СССР даже в начале 1980-х гг. директор института и секретарь парткома требовали "убрать с работы" известного латиноамериканиста К. Майданика, которого я хорошо знал и высоко ценил. Многие ученые были напрямую связаны с КГБ и выполняли поручения последнего. Вице-президенту АН СССР П. Федосееву было присвоено звание "Почетный чекист", коим он даже гордился.

Вот что писал о советской общественной, и в частности экономической, науке бывший заведующий отделом науки ЦК КПСС С. Трапезников: "Советская наука прочно и навсегда связала себя с преобразованием жизни на началах социализма и коммунизма... Социалистическое общество сформировало и утвердило новый тип ученого. Советский ученый живет и работает отныне не в отрыве от интересов народа, от классовых битв современности. Напротив, он активный идейный борец, непосредственный участник всенародной борьбы за торжество коммунизма, беззаветно преданный социалистическим завоеваниям... Деятельность ученых-экономистов всегда находится под контролем общественного глаза. Конечно, с одной стороны, это почетно, но, с другой стороны, это накладывает и большую ответственность на наших ученых-экономистов... Ученые-экономисты призваны в полном объеме показать гигантскую направляющую и созидательную деятельность КПСС, экономическую роль социалистического государства, значение демократического централизма в руководстве высокоразвитой социалистической экономикой..." [Трапезников, 1974, с. 15, 59, 74]. Чтобы жить и выживать, а главное, добиваться продвижения по службе, приходилось не только прислуживать властям предрежащим, но и вставать на грязный путь.

Свежие примеры советского псевдонаучного византийства легко найти и в недавно вышедшей монографии академика Н. Федоренко, в целом весьма интересной и полезной. Он справедливо пишет, что всей советской официальной статистике - "статистике практически всего советского периода доверять нельзя", но вся его книга построена

только на этой статистике, а уже имеющиеся альтернативные оценки игнорируются. С одной стороны, он хвалит (и правильно!) П. Столыпина, начавшего проводить земельную реформу в нашей стране, предусматривавшую, в частности, свободную продажу земли, но с другой - пишет, что в наши дни нельзя разрешать продажу пахотной земли. Говорится о необходимости поддержания дозированных, ограниченных отношений России с Западом и тут же - о желательности органического включения экономики России в мировую экономику [Федоренко, 2003, с. 25, 595]. Как это понять?

Федоренко справедливо считает, что советские "реалистически мыслящие ученые начали подавать первые сигналы о тревожных тенденциях и мрачных перспективах еще в конце 60-х годов" [Федоренко, 2003, с. 401 - 402]. Они писали об этом в своих закрытых докладных записках "наверх". Но эти записки обычно не принимались во внимание руководством страны, а директора институтов, даже будучи членами ЦК КПСС, не очень-то отстаивали их, боясь за свои посты и звания. В открытых же своих выступлениях и публикациях они говорили совсем другое: о преимуществах социализма, о том, как все хорошо в советской экономике и т.д.

В годы горбачевской перестройки большую и положительную роль сыграли такие представители советской экономической науки, как С. Шаталин, Н. Петраков, О. Богомолов, Н. Шмелев, Л. Абалкин, Е. Ясин и др. Они защищали рыночные и демократические ценности, но в рамках концепции нэпа, то есть рыночного социализма. В эти годы большинство советских экономистов не ставили прямо вопрос об отказе от централизованного планирования, от одной правящей партии, командно-административной системы. Большинство из них и не помышляло об отказе от социализма и марксизма. Тем не менее были приняты такие важные законы, как закон о государственном предприятии (объединении), закон об индивидуальной трудовой деятельности, закон о кооперации. Эти законы легитимизировали частичные рыночные механизмы в нерыночной советской экономике, создавая ситуацию сосуществования и взаимодействия плана и рынка. В более или менее системном виде этот рыночный социализм был зафиксирован в Программе регулируемой рыночной экономики Н. Рыжкова-Л. Абалкина.

Ее суть заключалась в создании "социалистического рынка" в рамках "социалистического выбора", то есть при сохранении всеобъемлющей государственной собственности, основ централизованного планирования и командно-административной системы, а главное, при сохранении монополии коммунистической партии. Программа предусматривала следующие либеральные положения:

- разнообразие форм собственности, их равенство перед законом, поощрение конкуренции между ними;
- использование рынка как главного инструмента координации деятельности производителей, развитие не только рынка товаров и услуг, но и рынка труда и капитала;
- макроэкономическое регулирование развития народного хозяйства посредством экономических рычагов и стимулов, индикативного планирования;
- оплата труда строго в соответствии с его реальными результатами.

При Горбачеве советские экономисты в лице прежде всего чиновников, несмотря на его несогласие на приватизацию, инициировали процесс отхода от государственной собственности. Практически директора заводов, крупные чиновники государственных ведомств и даже секретари обкомов и райкомов КПСС становились собственниками, предпринимателями и даже миллионерами. Как пишет Гайдар, знавший этот процесс не понаслышке, "номенклатура хотела растащить систему (госсобственность) по карманам и вместе с тем сохранить элементы этой системы, дающие гарантии власти над собственностью... Идеальная формула для бюрократии звучит так: прибавить к власти собственность! За основу рынка следует взять старый, "бюрократический рынок", где позиция участника определяется его чином, административной властью, но научиться извлекать из этого рынка настоящие денежные доходы. На нашем "новоязе" это называлось довольно точно - "регулируемый рынок". Регулируемый номенклатурой. Провести разгосударствление таким образом, чтобы в результате, перефразируя ленинское определение империализма, производство (расходы на производство и риск) оста-

лось общественным, но присвоение стало частным. Приватизация официально не проводится, но реально она идет "совершенно секретно", идет только в своем кругу, для своих" [Гайдар, 1995, с. 144, 146].

Тем не менее этот скрытый спонтанный процесс строительства "капитализма для себя" для определенной части советской номенклатуры еще при горбачевской перестройке был дополнен открытой рыночной программой "500 дней", разработанной группой экономистов-рыночников под руководством С. Шаталина и Г. Явлинского. В ней уже предусматривался широкий процесс открытой приватизации. Однако эта программа системного перехода к капитализму не была принята Горбачевым и Верховным Советом СССР, что стало одним из толчков к распаду СССР. Союзные республики хотели строить капитализм, и особенно это относилось к прибалтийским республикам. Горбачев проявил себя как коммунист-реформатор, а не как сторонник революционных системных преобразований.

Сторонниками сохранения социализма как системы при включении в него отдельных рыночных механизмов (как при нэпе или в Китае) оставались и большинство советских ученых-экономистов, особенно академических, привыкших к своим привилегиям и особому статусу, закрепленным в годы социалистического строительства. Они защищали "незыблемость" и "непреодолимую ценность" социалистического строя, централизованного планирования и управления экономикой и говорили лишь о необходимости совершенствования социалистических производственных отношений. Практически никто из них, как и ранее, не предвидел системной революции, изменения самой сути производственных отношений, а уж тем более распада СССР. Советская общественная наука явно отставала от жизни, цепляясь за привычное, старое, но уходящее. А жизнь шла вперед в направлении революционных перемен и смены исчерпавшего себя общественного строя. При Горбачеве, правда, об этом вслух не говорилось.

Даже при разработке горбачевской "концепции ускорения" лучшие отечественные экономисты того времени исходили из традиционных советских постулатов об административно-командном стимулировании машиностроения и научно-технического прогресса, а не об изменении базовых социально-экономических условий производства, системы устаревших производственных отношений, самой модели экономического развития страны. В этом смысле состояние советской экономической науки в начале горбачевской перестройки принципиально не отличалось от ее состояния в период брежневизма¹.

Несмотря на то, что в годы перестройки Горбачев привлек некоторых видных советских экономистов к разработке ряда экономических программ и партийных документов, в целом советская экономическая наука не занималась созданием научной базы уже идущих в стране перестроечных процессов и тем более выработкой будущей истинно рыночной модели советской экономики и общества. Бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев пишет, что "партийная общественная наука, партийное обществоведение, имевшая монополию на истину, получившая право опекать и одергивать любую другую науку, не хотела и не смогла примириться с новой, невыносимой для нее ситуацией. Большинство из этих ученых привыкли получать деньги за разрушение, сдерживание мысли, а потому они в силу своей закоренелой "идеологической

¹ В то же время нельзя не вспомнить и о "Новосибирском манифесте" - докладе, сделанном Т. Заславской на научном семинаре "Социальный механизм развития экономики" еще в первой половине 1983 г., где констатировалось, что имеющиеся производительные силы переросли существующие производственные отношения, которые поэтому нуждаются в коренной трансформации. Эти идеи вызвали тогда резкую критику властей. Заславской и директору Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР А. Аганбегяну, где она тогда работала и где проходил этот семинар, угрожало исключение из партии. Власти были так напуганы этим докладом, что долгое время отрицали сам факт его существования, объявляя фальшивками ходивший в "самиздате" текст и появлявшиеся на Западе публикации об этом событии отечественной научной жизни.

озверелости оказались просто не в состоянии заниматься нормальным научным творчеством" [Яковлев, 2003, с. 441].

Итак, советская экономическая наука накануне развала СССР и начала серьезных революционных процессов в преобразовании экономического базиса в новой России после 1991 г. оказалась не готовой к переходу к рынку, не смогла разработать обоснованную программу давно назревших экономических реформ, и эта "недостроенность" научной базы реформ, своего рода "недоделанность" сохраняются и до сих пор. И сегодня Президент РАН Ю. Осипов регулярно сидит на заседаниях Правительства РФ, где порой обсуждаются те или иные аспекты рыночных преобразований, но ни разу мы не видели, чтобы он представил от имени РАН обобщенную комплексную программу дальнейших экономических реформ в русле системных преобразований или даже узкий проект реформирования хотя бы одного из государственных институтов (например, ЖКХ, банков, бирж и т.д.). То есть РАН опять плетется "в хвосте" жизни и не идет на ее опережение, как, по идее, и должна развиваться любая наука. Напомню еще раз, что советская экономическая наука не только не предсказала крах социализма и его экономической модели, но, похоже, и не поняла самой сути этого общественного строя, который уже давно вступил на путь развития своего общего кризиса.

В годы системной трансформации, когда в стране начались процессы открытой и масштабной приватизации, создания реальной рыночной инфраструктуры и конкурентной среды, в российской экономической науке стала складываться оппозиционная антиреформаторская коалиция, взявшая курс на борьбу с проводимыми президентом Б. Ельциным и его правительством рыночными реформами. Многие бывшие "рыночники" перестали ими быть и заняли враждебную позицию. Первым против проводившихся реформ выступил Председатель Верховного Совета РФ Р. Хасбулатов, затем с критикой выступили и такие знаковые фигуры времен перестройки, как академики Шаталин, Абалкин, Петраков, Богомолов, затем к ним присоединился и Шмелев. Оппозиция нарастала и спланировалась. Ее цель - возврат к рыночному социализму, к соединению плана с рынком, ориентация на опыт Китая и недопущение ориентации на опыт Запада, особенно на опыт США. Одновременно усилились и призывы к сохранению российской евразийскости, славянофильских традиций и т.д.

В своей книге "Записки президента", вышедшей в 1994 г., Ельцин пишет: "Хасбулатов (в апреле 1992 г. - В. К.) представил альтернативную экономическую программу и заявил, что парламент возглавляет оппозицию ходу реформ. Название - "О дальнейшем развитии экономических реформ в России". По существу в документе отражены взгляды академиков Петракова и Шаталина. Хасбулатов назвал их в числе основных разработчиков "материала". Речь в документе идет о притормаживании начавшихся рыночных процессов..." [Ельцин, 1994, с. 237]. Очень скоро жизнь покажет, что притормаживание, а точнее - замораживание и даже отмена рыночных реформ станет важной задачей для многих представителей российской экономической науки.

Однако жизнь показала и научную несостоятельность концепции "рыночного социализма" - горячей смеси взаимоотрицающих сторон. Недаром в Венгрии, где особенно практиковалась эта концепция, полученный результат был назван "гуляш-социализмом". Что же касается Китая, то только там это временное состояние продолжает сохраняться и сегодня. Но такая ситуация стала возможной лишь благодаря огромному отсталому аграрному сектору в экономике этой страны и давним традициям существования индивидуального крестьянского хозяйства без использования наемного труда. Ясно, что с течением времени и по мере насыщения сельского хозяйства техникой будет происходить развитие капиталистических производственных отношений в этой отрасли экономики Китая.

В 1994 г. академики Шаталин, Абалкин и Петраков подготовили со своими сотрудниками вариант альтернативной по отношению к правительственной программы, в которой содержался призыв к частичному восстановлению государственного регулирования цен и доходов населения, планово-распределительных структур и т.д. Они стали доказывать необходимость прямого государственного административного вмешательства-

ства в экономику вплоть до возрождения какого-то подобия Госплана. Все это противоречило стратегическому курсу на формирование рыночной экономики и уводило страну с мейнстрима цивилизационного развития.

В 1996 г. тот же Петраков и его коллега В. Перламутров (ставший затем членом-корреспондентом РАН) писали: "Анализ политики правительства Гайдара-Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы. Взяв на вооружение концепцию финансовой стабилизации, имеющую ограниченное и производное значение, они стали множить дестабилизирующие факторы" [Петраков, Перламутров, 1996, с. 76]. Петербургский экономист С. Рязанов предложил вообще "отказаться от не оправдавшей себя политики реформирования" и делать акцент не на предпринимательство, рынок и "примитивную жажду обогащения", а на государство, его хозяйничанье и инвестиции" [Рязанов, 1998, с. 712]. Поразительно, что подобные авторы не желали видеть опыт постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, где явный прогресс к тому времени был налицо.

В конце 1998 г. после прихода в правительство Е. Примакова многие ученые-экономисты надеялись на смену курса реформ, на возврат авторитарно-бюрократических методов государственного регулирования экономики, писали новому председателю правительства соответствующие предложения. Представители этих кругов во главе с академиком-секретарем Отделения экономики РАН Д. Львовым опубликовали даже Открытое письмо Президенту, Федеральному Собранию и Правительству РФ, в котором выразили свои взгляды и предложения по сворачиванию рыночных реформ. Надо отдать должное Примакову: он не сошел с избранного ранее стратегического курса и, более того, практически дезавуировал "программу академиков".

Таким образом, попытки многих ученых-экономистов свернуть страну с пути системных преобразований себя не оправдали. Однако это не означает, что они прекратились. Сегодня, в условиях укрепления президентской властной вертикали, ухода из Госдумы либеральных оппозиционных партий, формирования массовой пропрезидентской политической партии и усиления роли силовых структур оппозиция ученых-экономистов получает дополнительную поддержку и пользуется спросом особенно у тех, кто призывает пересмотреть итоги приватизации и все "отнять и поделить". Не удивительно поэтому и оживление ее представителей.

В 2003 г., когда уже налицо был экономический рост и рост реальных доходов населения, академик Львов писал, что "огромные лишения и невзгоды, брошенные в топку перестроечного угара и псевдорыночных реформ, оказались напрасными... У народа вырабатывается чудовищная приспособительская реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести, - синдрому вживания в катастрофу" [Львов, 2003, с. 37 - 38]. Не помню, чтобы Львов что-либо подобное писал о советском времени, что было бы правильно особенно в отношении периода 30-х гг. XX в.

Львов дает негативную оценку итогов российской приватизации, которая на первых этапах не приносила в казну значительных денежных средств, поскольку у новых собственников не было и не могло быть денег на оплату приватизированного имущества по его рыночной цене. Кстати, бесплатная приватизация проходила и в восточных землях Германии, где предприятия продавались за символическую цену в 1 марку, однако продажа эта была обставлена четким перечнем обязательств новых собственников по отношению к трудовым коллективам, инвестированию и т.п. Подобное ведение дел требовало, разумеется, серьезного анализа и соответствующих изменений в законодательстве. Мы же просто подвергаем критике "бесплатную" приватизацию, в то время как немцы не видят в этом ничего особенного: лишь бы новый владелец оказался ответственным хозяином и инвестором, держащим на своих плечах эффективный бизнес.

Идеи многих наших ученых-экономистов с радостью берут на вооружение представители левых и националистических партий. Г. Зюганов не раз говорил, что его партия пользуется наработками не только отдельных российских ученых-экономистов, но и целых институтов РАН. В Госдуме фракции КПРФ, Родины и ЛДПР выступают с

предложениями по деприватизации, то есть новой национализации земли, предприятий ВПК, ТЭК и т.д.

Ученик Львова член-корреспондент РАН С. Глазьев постоянно утверждает, что рыночная модель - это "порочная модель общественного устройства", она создается в России в интересах ее олигархов и Запада. Что касается олигархов и прочих буржуев, то от них вообще неплохо было бы избавиться, как от чужеродных для России элементов [Глазьев, 2003, с. 76, 79, 81]. И Глазьев, и Львов уже много лет без устали призывают вернуться к советскому типу мобилизационного экономического роста, вернуть государству ТЭК и увеличить налогообложение богатых слоев населения, особенно олигархов. В этих идеях есть рациональные зерна, но подаются они не с социал-демократических позиций, как это имеет место на Западе, а с позиций классовой борьбы, если не сказать диктатуры пролетариата или социального геноцида.

В упоминавшейся работе академика Федоренко также содержится позиция неприятия современных рыночных реформ в России. При этом, как и иные критики, Федоренко не имеет своей концепции реформ для России, ограничиваясь комплиментами в адрес рыночного социализма китайского типа. Он откровенно пишет, что затрудняется назвать одним словом строй, который должен быть создан в России, и признается: "...я не готов сегодня к ответу на вопрос, куда мы все-таки переходим" [Федоренко, 2003, с. 426, 667].

Так если российская академическая наука не знает (или не хочет знать) ответы на эти вопросы, то в чем может проявиться ее положительная роль в разработке программ и стратегии экономических реформ в будущем? Как наука будет опережать практику? Пока что наша экономическая наука в значительной своей части стоит в стороне и занимает в основном критическую, неконструктивную позицию.

Еще одна волна критики нынешнего состояния экономики и экономических реформ - назойливое противопоставление современной убогой России и великого СССР. Так, автор нашумевшей книги "Почему Россия не Америка" А. Паршев пишет, что Сталин был "рыночником, грамотным и последовательным", советская экономика - вполне эффективной, а Сталин, Л. Берия и Л. Каганович - "рачительными хозяевами государства". "Благодаря высочайшей квалификации сталинских экономистов удалось рассчитывать цены таким образом, чтобы и товарного дефицита не было, и не оставалось непроданного продукта" [Паршев, 2000, с. 163, 170].

Это удивительная лакировка нашего прошлого. Известно, что экономика социализма - экономика дефицита, а запасы сырья, непроданного продукта и т.п. на складах советских предприятий и организаций, а также незавершенного производства достигали в годы горбачевской перестройки огромной величины - порядка 300 млрд. руб., или около 40% ВВП. Готовая же продукция, за исключением военной, была некачественной и неконкурентоспособной [Кривогуз, 2001, с. 39]. Но Паршеву вторит новосибирский экономист Г. Ханин, пишущий о советском "экономическом чуде", великих руководителях народным хозяйством СССР и о назревшем для нашей страны возврате к командно-административной системе. Он считает, что "сейчас с экономической точки зрения возврат к командной экономике представляется вполне возможным..." [Ханин, 2003^а, с. 75]. Им доказывается идея прогрессивности советского общественного строя, породившего феномен "советского экономического чуда" при Сталине, когда "были талантливые руководители экономикой страны" и "заложены основы успешного развития советской экономики на протяжении нескольких десятилетий" [Ханин, 2003^б, с. 68 - 69].

Ханину вторит С. Губанов - постоянный автор журнала "Экономист", который призывает к возврату вертикальной интеграции, жесткого государственного вмешательства в экономику, к "структурно-технологическому планированию и системе функционально-специализированных органов, или институтов государства" [Губанов, 2004^а, с. 6, 8]. Он полагает, что "если назвать вещи своими именами, надо признать, "рыночной" перспективы у российской экономики нет и не будет" [Губанов, 2004^б, с. 48]. Научные сотрудники Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Ф. Клоцвог и Л. Чернова считают, что "решение задачи удвоения ВВП России за десятилетний

период требует качественного изменения общего курса страны, которое можно было бы назвать переходом к стратегии управляемого развития... Необходимо шире использовать методы индикативного планирования и управления, создать систему государственного мониторинга... активизировать государственное регулирование' [Клоцвог, Чернова, 2004, с. 56, 62].

На базе ностальгии по советскому прошлому эти авторы отвергают все рыночные реформы и трансформации, идущие в последние годы в России. К сожалению, такой точки зрения придерживаются и многие нынешние российские экономисты, и политики старого советского покроя. Но жизнь пойдет своим путем, и противники реформ, отхода от нашего советского прошлого, конечно, будут посрамлены. Думаю, новые поколения россиян не позволят стране и обществу вернуться на тупиковый путь.

Раздающиеся с разных сторон требования к возврату "социалистических ценностей" выглядят диким анахронизмом, делающим значительную часть нашей экономической науки по-прежнему советской. В составе РАН до сих пор функционирует кафедра политической экономии, которая по-прежнему занимается стародавней марксистско-ленинской экономической теорией, а не новой теорией трансформации от социализма к капитализму.

Всему этому блоку советской экономической науки, действующей сегодня, противостоит блок современного экономического мышления, куда входят Е. Ясин, В. Мау, Е. Гайдар, А. Илларионов, С. Васильев, А. Белоусов и др., стоящие на позиции рыночной трансформации, реформирования самой российской экономической науки в русле общего цивилизационного мейнстрима. Но, похоже, раскол, длительное противостояние консервативного и либерального блоков в отечественной экономической науке сегодня переживает новый этап. Старые академики теперь уже вынуждены согласиться на проведение реформ в своей науке, а не сохранять все как есть.

В конце 2004 г. Министр образования и науки РФ академик А. Фурсенко выступил с программой реформирования РАН, нацеливая ее на результативность, более тесную связь с экономикой страны. Эту программу поддержал президент В. Путин, который призывал к "решительной перестройке" РАН, ее "вдумчивой и результативной модернизации", соответствующей реалиям сегодняшнего дня. Президент говорил: "Академия наук создавалась совсем в других условиях, в другой стране. Вопрос в том, чтобы она не растворилась в бурном мире... в водовороте событий, участниками которых мы все являемся! Мы хотим, чтобы у академии было будущее!" (см. "Независимая газета", 27 октября 2004 г.).

В то же время президент критиковал РАН за плохую организацию работы и избыточность кадров, неумение адаптироваться к рыночным условиям, требованиям дня и привлекать молодые кадры. Однако было бы неправильно считать, что импульс реформам в РАН задается только извне. Изнутри РАН также идут импульсы подобного рода. Правда, они инициируются представителями не столько общественных, сколько естественных наук.

Так, лауреат Нобелевской премии по физике академик Ж. Алферов прямо говорит о том, что РАН "все больше обособляется от настоящей науки и становится замкнутым сообществом, которому в силу обстоятельств удастся устраивать свою жизнь за счет государства". И далее: "...верхушка академии все дальше отделяется от народа, все больше превращается в чисто бюрократическую тусовку... На этом фоне и впрямь кощунственным кажется и многократное повышение академического довольствия, и фанфарное возобновление действительно нужных академических сессий" (см. "Независимая газета", 25 декабря 2002 г.). Другой лауреат Нобелевской премии по физике академик В. Гинзбург пишет: "Меня возмущает апатия и равнодушие. Из-за этого академия плохо работает, отделения плохо работают... У нас почему-то считается, что, если человек стал директором, он обязательно должен стать академиком. Но менеджер -еще не означает ученый. Хорошо хоть олигархи не стремятся в академики. Могли бы, ведь их интеллектуальные способности не ниже, чем у академиков" (см. "Независимая газета", 8 октября 2003 г.).

Оценки названных академиков относятся к РАН в целом. Что же касается нашей экономической науки, то она расколота и значительная ее часть, на мой взгляд, продолжает идти в ложном направлении. Так было в советские времена, так остается и сегодня. Нужны творческие дискуссии, переаттестация кадрового состава, импульсы по разумной коммерциализации экономической науки. Должны возникать и широкие сферы научного предпринимательства - двигатели инновационных процессов. Формирование современных принципов, новых традиций и ценностей в научной деятельности, отвечающее потребностям перехода российской экономики и общества в новую систему, - вот что сегодня требуется от отечественной экономической науки.

* * *

В настоящее время Россия медленно и противоречиво выходит из своего тяжелого прошлого. Но важно не колебаться на избранном пути и твердо держать курс на демократизацию и рыночные ценности. Экономическая наука должна быть встроенной в этот процесс, не мешать движению в правильном направлении, наоборот, помогать двигаться по нему более грамотно и профессионально. Это особенно важно сейчас, когда в соседней Украине произошел революционный переворот в сторону Запада, развития более зрелых и качественных рыночных отношений, а в России появились признаки укрепления авторитаризма и реприватизации, то есть отхода от ранее намеченных экономических реформ. Россия еще не вступила в период устойчивого качественного экономического роста, в период масштабной модернизации своей экономики, как это происходит в странах Центральной и Восточной Европы и Балтии. Государство чрезмерно вмешивается в экономику, многие реформы, прежде всего административная, естественных монополий и т.д., фактически не проводятся, чиновники занимаются бизнесом, лоббируя "свои" фирмы и корпорации, а в целом государство плохо поддерживает бизнес. Структура экономики почти не меняется, рыночная инфраструктура (прежде всего, банковская, фондовый рынок) по-прежнему остается неразвитой. При этом государство откачивает природную ренту с помощью налогов в свое распоряжение, формируя стабилизационный фонд, повышая зарплату своим чиновникам и экономя на расходах в пользу регионов.

В этих условиях крайне необходимы Стратегия и Программа дальнейшего продвижения экономических реформ в нашей стране. И здесь российская экономическая наука могла бы сыграть положительную роль. России на протяжении всей ее истории, за исключением советских лет, как правило, были свойственны замедленное экономическое и техническое развитие, незавершенность реформ и, как уже говорилось, невысокий уровень экономических исследований. Неужели и сегодня мы не попытаемся побороть эти традиции?

Россия всегда с трудом и медлительностью выбирала свой путь, и сегодня вновь она стоит на перекрестке дорог. Одна дорога - евразийство и самоизоляция под флагом Третьего Рима, региональной имперскости и былого величия. Другая - мобилизация и адаптация к европейской цивилизации, вхождение в Большую Европу. Этот выбор сегодня не менее важен, чем выбор, сделанный нами после августа 1991 г. Но тогда было мало времени на раздумья, и жизнь сама решила этот вопрос. Сегодня время есть, экономика растет, жизненный уровень повышается, хотя недовольство внутривластной ситуацией, состоянием общественных институтов, похоже, тоже нарастает. Поэтому следует определиться, пока не поздно.

Ведь у стран Центральной и Восточной Европы и Балтии никогда не было сомнений, какая модель развития отвечает их национальным интересам: восточная или западная. Естественно, это западная, европейская модель. В России же пока сильны восточные элементы в модели ее экономики. Украина, где была такая же ситуация, уже сделала свой выбор. Дело за нами. При этом не следует забывать, что Запад реально заинтересован в том, чтобы Россия сама с уверенностью и надеждой вошла в единую

семью демократических государств мира и стала ее важной органической частью. Это укрепит саму Россию, ее экономику, будущее ее народа.

Поистине, как говорил Иоанн Креститель, "чтобы изменилось царство, нужно, чтобы изменились люди". Консерваторы советской закалки нам не помогут, нужны свежие, молодые силы, способные создать в России зрелое, демократическое, гражданское и капиталистическое общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белюсов Р.* Экономическая история России: XX век. Кн. 3. М., 2002.
- Вайнштейн Альб. Л.* Избранные труды. Книга первая. М., 2000.
- Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995.
- Глазьев С.* Почему мы самые богатые, а живем так бедно? М., 2003.
- Губанов С.* "Косыгинская реформа": итоги и уроки // *Экономист.* 2004⁶. N 4.
- Губанов С.* Промышленная политика и государство // *Экономист.* 2004^a. N 7.
- Ельцин Б.* Записки президента. М., 1994.
- Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.
- Заславская Т.* Трансформационный процесс в России в середине 90-х годов // *Российская экономика на новых путях.* 1997. N 1.
- Клоцвог Ф., Чернова Л.* О стратегии управляемого развития // *Экономист.* 2004. N 9.
- Кондратьев Н.* Особое мнение. Кн. П. М., 1993.
- Кривогуз И.* Крушение "реального социализма" в Европе и судьбы освободившихся народов. М., 2001.
- Кудров В. М.* К современной научной оценке экономической теории Маркса-Энгельса-Ленина (десять пунктов для размышления) // *Вопросы экономики.* 2004. N 12.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 18, 35.
- Львов Д. С.* Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России // *Экономическая наука в современной России.* 2003. N 1.
- Материалы предстоящей научной конференции "Хозяйственная реформа и проблемы оптимального планирования". М., 1967.
- Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996.
- Паршев А.* Почему Россия не Америка. М., 2000.
- Петраков Н., Перламутров В.* Россия - зона экономической катастрофы // *Вопросы экономики.* 1996. N 3.
- Рязанов В.* Экономическое развитие России. СПб., 1998.
- Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
- Струмилин С.* На плановом фронте. М., 1958.
- Трапезников С.* Общественные науки - могучий идейный потенциал социализма. М., 1974.
- Федоренко Н.* Россия на рубеже веков. М., 2003.
- Федоров В.* Почему у нас нет великих экономистов? // *Экономические стратегии.* 2001. 05 - 06. Зима.
- Федоров В.* Россия: внутренние и внешние опасности. М., 2004.
- Ханин Г.* Советское экономическое чудо: миф или реальность? // *Свободная мысль.* 2003^a. N 12; 2003⁶. N 8.
- Шаталин С.* Переход к рынку: борьба мнений. М., 1993.
- Шноль С.* Герои и злодеи российской науки. М., 1997.
- Яковлев А. Н.* Сумерки. М., 2003.